

УДК 316.362.4-055.2-021.142.3:303.621(4)

РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ ЖЕНЩИН В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОГРАММЕ «ПОКОЛЕНИЯ И ГЕНДЕР»

Д. Г. РОТМАН¹⁾, А. Ю. ДЕНИСОВ²⁾, А. А. БЕЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1-102, 220072, г. Минск, Беларусь

На материале социологических исследований по международной программе «Поколения и гендер» проанализированы возрастные особенности репродуктивных намерений женщин на трехлетнюю перспективу. Сделана оценка репродуктивного потенциала, то есть уровня рождаемости при условии полной реализации всех репродуктивных намерений. Проведен сравнительный анализ репродуктивных намерений и репродуктивного потенциала в странах Европы. Сделан вывод о наличии связи между фактическим уровнем рождаемости и распространенностью нормы многодетности, а также между уровнем репродуктивных намерений и фактической рождаемостью.

Ключевые слова: репродуктивные намерения; ожидаемая рождаемость; репродуктивное поведение; суммарный коэффициент рождаемости; условное поколение; многодетные семьи.

REPRODUCTIVE INTENTIONS OF WOMEN IN EUROPE: ANALYSIS OF THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH ON THE PROGRAM «GENERATIONS AND GENDER»

D. G. ROTMAN^a, A. Y. DENISOV^b, A. A. BELOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bCentre for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1-102 Akademicheskaya Street, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: D. G. Rotman (dgrotman@rambler.ru)

The article analyzes age features of women's reproductive intentions for a three-year perspective on the basis of sociological research of the international program «Generations and Gender Programme». The reproductive potential is estimated, that is the level of fertility, provided that all reproductive intentions are fully realized. A comparative analysis of reproductive

Образец цитирования:

Ротман Д. Г., Денисов А. Ю., Белов А. А. Репродуктивные намерения женщин в странах Европы: анализ результатов социологических исследований по программе «Поколения и гендер» // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 85–96.

For citation:

Rotman D. G., Denisov A. Y., Belov A. A. Reproductive intentions of women in Europe: analysis of the results of sociological research on the program «Generations and gender». *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 85–96 (in Russ.).

Авторы:

Давид Генрихович Ротман – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований.

Артур Юрьевич Денисов – магистр социологических наук; старший научный сотрудник.

Андрей Александрович Белов – магистр социологических наук, аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

David G. Rotman, doctor of science (sociology), full professor; director of the Center for Sociological and Political Researches.

dgrotman@rambler.ru

Artur Y. Denisov, master of science (sociology); senior researcher.

denisovartur@gmail.com

Andrei A. Belov, master of science (sociology), postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

belov88@tut.by

intentions and reproductive potential in the countries of Europe has been carried out. It was concluded that there is a connection between the actual level of fertility and the prevalence of the norm of large families, as well as between the level of reproductive intentions and actual fertility.

Key words: reproductive intentions; expected fertility; reproductive behavior; total fertility rate; hypothetical generation; large families.

Введение

В апреле – ноябре 2017 г. в рамках проекта «Поддержка реализации национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь» было проведено социологическое исследование «Беларусь: формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях». Указанный проект финансировался Правительством Российской Федерации, ЮНФПА и ЮНИСЕФ; национальным координатором выступило Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь.

Проведенное социологическое исследование стало самым масштабным в области демографии в Республике Беларусь за последние пять лет. Выборочная совокупность составила около 10 тыс. человек в возрасте от 18 до 79 лет. Опрос в Республике Беларусь подготовлен и проведен Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. Концептуальной и методологической основой исследования стала международная исследовательская программа «Поколения и гендер», которая реализуется с

2001 г. Цель этой программы заключается в изучении брачно-семейной сферы по таким направлениям, как формирование семьи, репродуктивные установки и поведение, роли мужчин и женщин в организации семейной жизни, взаимодействие между поколениями. К настоящему времени аналогичные исследования по единой методологии проведены в 20 странах (включая 18 стран Европы). Инициатором и координатором программы выступает Отдел населения Европейской экономической комиссии ООН; научное координирование программы обеспечивает Нидерландский междисциплинарный демографический институт.

Использование международной методологии, а также значительный объем выборочной совокупности позволили реализовать ряд новых для нашей страны подходов к анализу возрастных особенностей репродуктивных намерений, а также к оценке репродуктивного потенциала. Кроме того, открытый характер данных программы «Поколения и гендер» позволил осуществить сравнительный анализ репродуктивного потенциала и уровня его реализации в странах Европы.

Методические замечания

Первое исследование репродуктивных установок населения БССР было проведено в 1969 г. под руководством ЦСУ СССР в рамках первого всесоюзного обследования репродуктивных установок «ИРУ, 1969» [1]. В рамках указанного исследования оформилась методика изучения репродуктивных установок, которая стала традиционной для отечественной социологии рождаемости.

Соответствующая методика предполагает выделение трех типов установок рождаемости [2, с. 20]. *Первый тип установок* определяется как «идеальная рождаемость» и фиксируется с использованием вопроса примерно следующего содержания: «Как Вы думаете, сколько детей лучше всего вообще иметь в семье?» *Второй тип установок* определяется как «желаемая рождаемость» и фиксируется с использованием несколько иного вопроса: «Сколько бы Вам хотелось иметь детей в семье, если бы для этого были созданы все условия?» *Третий тип установок* определяется как «ожидаемая рождаемость» и фиксируется с использованием вопроса: «Сколько детей Вы собираетесь иметь всего в течение всей жизни?»

Как в советский, так и в современный период развития социологии рождаемости описанная

выше схема служила основой для проведения эмпирических исследований и последующего определения репродуктивного потенциала населения страны. Так, например, комплексный анализ всех трех типов установок представлен в монографии Л. П. Шахотько «Население Республики Беларусь в конце XX века» (1996 г.) [3]. В зарубежной практике значительное распространение получили также альтернативные подходы к определению репродуктивных установок, некоторые из них стали широко применяться в Республике Беларусь в рамках крупных международных проектов. Например, в ходе проведения Многоиндикаторного кластерного обследования в 2005 и 2012 г. [4] опрашиваемым задавался вопрос со следующей формулировкой: «Хотели бы Вы родить (еще одного) ребенка или предпочли бы (больше) не иметь детей?» На основании подобных вопросов некоторые зарубежные исследователи разработали специальные методики реконструкции величины репродуктивного потенциала населения, в основе которых лежит оценка вероятностей рождения детей различной очередности [5; 6].

Одним из основных вопросов для оценки репродуктивных установок в рамках исследований

по методологии программы «Поколения и гендер» является вопрос о намерении родить ребенка (еще одного ребенка) в течение ближайших трех лет. По своему смыслу данный вопрос в большей мере соответствует понятию ожидаемой (планируемой) рождаемости, поскольку респонденту предлагается оценить свои планы на краткосрочный период без дополнительных допущений, которые предполагаются в вопросах об идеальной и желаемой рождаемости. Таким образом, понятия «ожидаемая рождаемость» и «репродуктивные намерения» можно рассматривать как синонимичные. Следует отметить, что первоначально данный вопрос использовался для составления краткосрочных прогнозов показателей рождаемости [7]. Однако с учетом лонгитюдного характера исследований программы «Поколения и гендер» трехлетние намерения анализировались также с точки зрения факторов и уровня их фактической реализации. При этом во многих странах также задавались и вопросы относительно идеальной рождаемости, а также намерений родить ребенка в период, выходящий за предстоящие три года.

Особенностью реализации исследования в Республике Беларусь стало то, что изучение репродуктивных установок ограничилось только фиксацией трехлетних намерений. В результате появилась необходимость в разработке методики оценки величины репродуктивного потенциала на основе данных о краткосрочных намерениях. Схожая проблема уже решалась зарубежными демографами [8]. В основе решения лежит оценка репродуктивного потенциала при условии реализации всех репродуктивных намерений. При этом для каждой возрастной группы на основе трехлетних намерений рассчитывается вероятность рождения ребенка. В дальнейшем эти данные суммируются с учетом кумулятивного эффекта рождения детей каждой очередности. Результатом расчетов является оценка суммарного коэффициента ожидаемой рождаемости для условного поколения.

В целях реконструкции среднего уровня ожидаемой рождаемости (в расчете на одну женщину) для Республики Беларусь был разработан и использовался следующий порядок действий. На первом этапе варианты ответов на вопрос о трехлетних намерениях были перекодированы в бинарную переменную, где значению 1 соответствовали ответы «вероятно да» и «определенно да», а значению 0 – другие варианты ответа. На втором этапе вся совокупность женщин в возрасте от 18 до 41 года была разделена на трехлетние возрастные группы, которые, в свою очередь, делились на подгруппы в зависимости от фактического количества детей. При этом по количеству детей выделены следующие градации признака: «0 детей», «1 ребенок», «2 ребенка», «3 ребенка и более». В результате выделяется 40 подгрупп по критериям

возраст и фактическое количество биологических детей респондента. На третьем этапе для каждой из 40 подгрупп рассчитывается доля женщин, которые планируют деторождение в ближайшие три года. Соответствующая доля в рамках модели приравнивается к фактической вероятности рождения детей в следующей трехлетней группе. На четвертом этапе для возрастной группы женщин от 18 до 20 лет рассчитывается доля респондентов с разным количеством биологических детей. Эта структура фактической рождаемости используется в качестве базы для дальнейших расчетов. На пятом этапе каждая доля женщин с рожденными детьми каждой очередности в возрасте 18–20 лет перемножается на соответствующую вероятность рождения ребенка в течение ближайших трех лет. Результаты данных расчетов перераспределяются между женщинами с разным количеством детей следующей трехлетней группы. Так, например, фактически в возрасте 18–20 лет 94,9 % женщин имеют 0 детей. При этом вероятность рождения первого ребенка для этой группы составляет 12,9 %. Таким образом, ожидается, что в следующей трехлетней группе (22–24 года) бездетными останутся 82,7 %, а 12,2 % переходят в категорию однопородных. Аналогичные расчеты проводятся до достижения возраста 42–44 года. В результате формируется структура условного поколения по количеству детей. На основании данной структуры можно рассчитать значение среднего уровня ожидаемой рождаемости на одну женщину для каждого возраста.

Одной из важнейших целей программы «Поколения и гендер» является проведение международных сравнений. Вместе с тем возможность таких сравнений ограничивается сопоставимостью методик проведения опросов в разных странах, включая сопоставимость на уровне построения выборочной совокупности и формулировок вопросов. Указанным требованиям сопоставимости в полной мере соответствовали 15 из 18 европейских стран, в которых были проведены соответствующие исследования (табл. 1). Из анализа исключены Венгрия, Эстония и Норвегия. Исключение Венгрии и Эстонии связано с особенностями формирования выборочной совокупности. Так, в этих странах минимальный возраст респондентов составил не 18, а 21 год. Таким образом, из анализа исключена трехлетняя возрастная группа 18–20 лет, что ограничивает использование описанной методики. В свою очередь, Норвегия была исключена в связи со значительными различиями в формулировках вариантов ответа на базовый вопрос: вместо пятичленной шкалы ответов респондентам предлагалось выбрать один из двух вариантов – «определенно да» либо «определенно нет». Таким образом, ответы респондентов по данному вопросу в Норвегии несопоставимы с другими странами.

Таблица 1

Характеристики исследований в анализируемых странах Европы

Table 1

Characteristics of studies in the analyzed countries in Europe

Страна	Объем выборочной совокупности		Годы проведения опроса
	Всего, человек	В том числе женщин от 18 до 41 года, указавших трехлетние намерения	
Австрия	5000	2204	2008–2009
Беларусь	9994	1836	2017
Бельгия	7163	1220	2008–2010
Болгария	12 858	3470	2004–2005
Германия	10 017	1702	2005
Грузия	10 000	1996	2006
Италия	9570	2190	2003–2004
Литва	10 036	1780	2006
Нидерланды	8161	1653	2002–2004
Польша	19 987	3390	2010–2011
Россия	11 261	1884	2004
Румыния	11 986	1910	2005
Франция	10 079	2001	2005
Чехия	10 006	1692	2005
Швеция	9688	1663	2012–2013

Доступ к базам данных исследований в указанных странах (включая Республику Беларусь) предоставлен на основании официального запроса авторов в Европейскую экономическую комиссию Организации Объединенных Наций.

Следует отметить, что первая апробация данного подхода применительно к Республике Беларусь была реализована авторами в рамках предварительного отчета о результатах социологического исследования [9]. Однако следует отметить, что при подготовке предварительного отчета использовалась неполная база данных: около 7,5 тыс. респондентов без применения весовых коэффициентов. Таким образом, представленные данные являются окончательными и дополняются результатами сопоставления с международными исследованиями.

Сравнительный анализ показателей репродуктивных намерений целесообразно проводить, сопоставляя планы с их фактической реализацией. Для этого необходимо ввести показатель, отражающий уровень действительной рождаемости. На данный момент наиболее корректной оценкой уровня рождаемости условного поколения является суммарный коэффициент рождаемости, скорректированный на смещение возрастов рождения детей каждой очередности. Существует два варианта подобной корректировки. Первый является менее

точным, но при этом требует меньшего количества исходных данных [10]. В этом случае для повышения точности рекомендуется усреднять значения показателя за три года [11, с. 691]. Второй вариант обеспечивает более точные оценки, но значительно повышает требования к исходным данным [12; 13]. В рамках статьи для всех стран приводится показатель фактической рождаемости на момент начала проведения опроса, или наиболее актуальные данные по исследуемой теме. При возможности выбора приоритет отдавался более точной методике оценки суммарного коэффициента рождаемости. В качестве источника информации о фактической рождаемости использовались данные проектов *The Human Fertility Database* [14] и *European Demographic Datasheet* [15].

Вместе с тем использование скорректированного суммарного коэффициента рождаемости имеет ограничения. В частности, в публикациях отсутствует повозрастная структура данного показателя, что делает невозможным сравнение ожидаемых и фактических показателей разных возрастных групп. В связи с этим для решения подобной задачи в случае нашей страны использованы данные о фактическом количестве детей в зависимости от возраста, рассчитанные на основании результатов исследования по программе «Поколения и гендер» в Республике Беларусь.

Репродуктивные намерения женщин Республики Беларусь

Методикой по реконструкции ожидаемой рождаемости на основании вопроса о трехлетних репродуктивных намерениях предусмотрен учет двух факторов: возраста женщин и фактического количества рожденных детей. Необходимость подобного учета определяется тесной связью между этими факторами и наличием соответствующих намерений. Так, в зависимости от возраста репродуктивные ожидания женщин значительно увеличиваются в период от 18 до 26 лет. В возрастной группе 18–20 лет доля женщин, планирующих

родить ребенка (варианты ответа «вероятно да» и «определенно да»), составила всего 12,9 %. Однако уже в возрастной группе 24–26 лет распространенность соответствующих намерений достигает наибольших значений и составляет 54,0 %. В более старших возрастных категориях наблюдается практически линейная тенденция по снижению уровня репродуктивных намерений. После 41 года наличие репродуктивных намерений у женщин приобретает характер, скорее, исключительных событий (рис. 1).

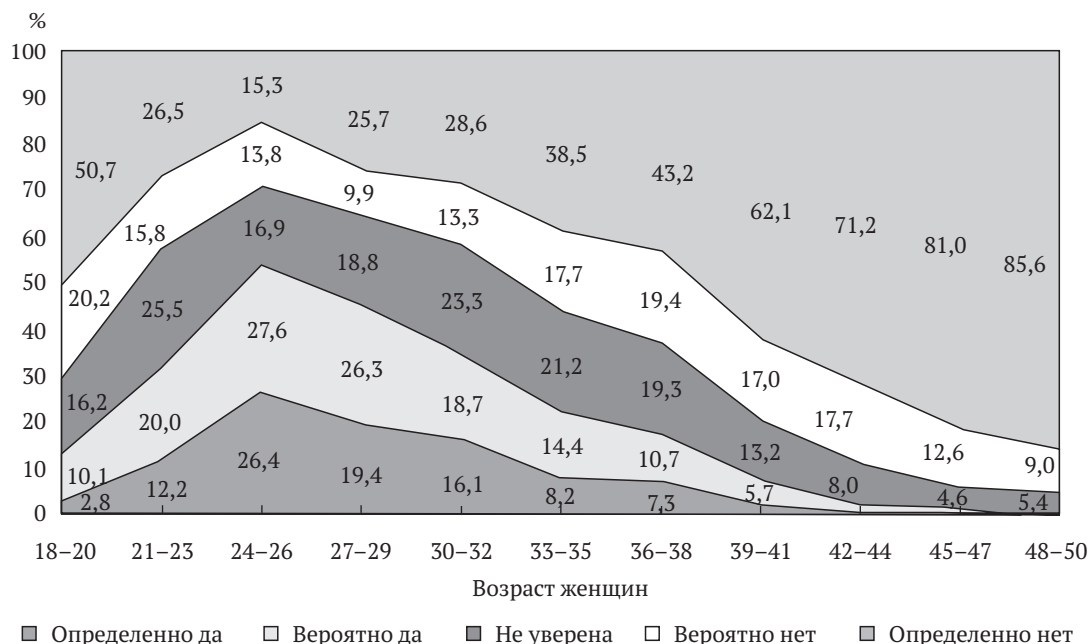

Рис. 1. Структура возрастных групп женщин по намерениям родить ребенка в течение ближайших трех лет, %.

Примечание. База расчета: женщины в возрасте от 18 до 50 лет (2570 наблюдений)

Fig. 1. The structure of age groups of women on the intent to have a child within the next three years, %.

Note. Base of calculation: women 18 to 50 years old (2570 observations)

На основании возрастных особенностей уровня репродуктивных намерений, представленных на рис. 1, при последующем анализе данных целесообразно учитывать женщин в возрасте от 18 до 41 года. Для данной группы характерна сильная зависимость распространенности репродуктивных ожиданий от фактического количества рожденных детей. Так, наибольшей степени наличия планов по рождению ребенка в трехлетней перспективе характерно для женщин, у которых нет детей или есть только один ребенок. При этом распределение ответов среди указанных категорий практически совпадает. Это означает, что практически все женщины, родившие одного ребенка, в течение репродуктивного периода задумываются о рождении второго. Распространенность намерений по рождению еще одного ребенка у других категорий женщин значительно ниже и составляет 8,3 % для женщин с двумя детьми и 6,1 % – с тремя и более детьми (рис. 2).

Однако важно отметить, что анализ каждого из указанных факторов по отдельности может привести к ошибочным интерпретациям и выводам. Одной из возможных ошибок является некорректная оценка итоговой структуры ожидаемой рождаемости условного поколения. Это связано с тем, что специфика задаваемого вопроса (трехлетняя перспектива ожидания) предполагает оценку кумулятивного (накопленного) эффекта формирования структуры ожидаемой рождаемости, когда намерения младшей трехлетней возрастной группы переходят в рождаемость в последующих группах. Так, например, без учета возрастной структуры и накопленного эффекта можно предположить, что доля женщин, имеющих двоих детей и планирующих рождение третьего ребенка, составит всего 8,3 %. Однако учет данных факторов показывает, что в действительности 21,8 % женщин планируют рождение троих детей к возрасту 42–44 года.

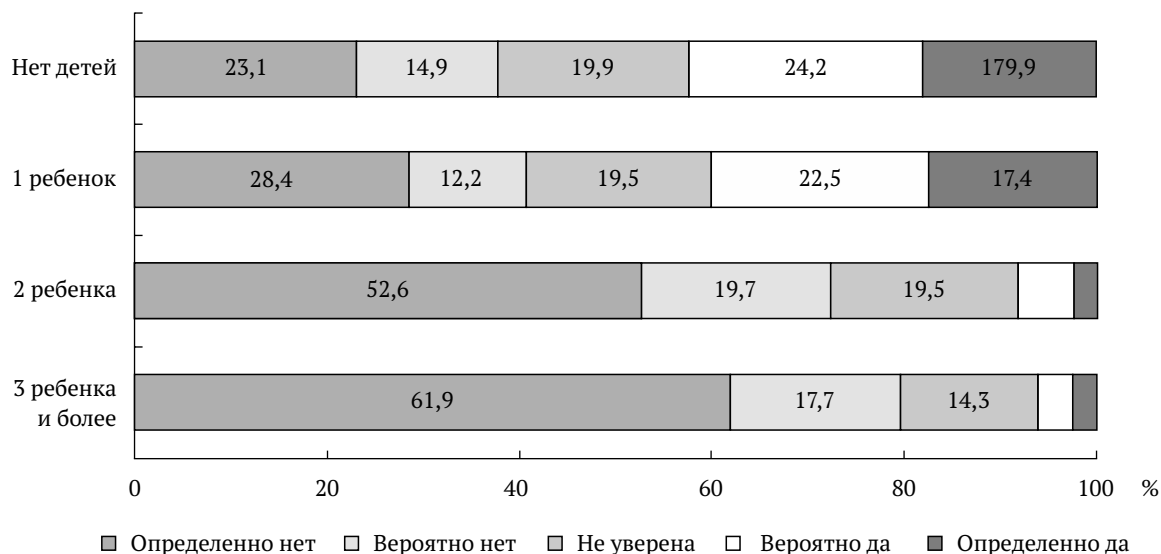

Рис. 2. Структура женского населения с разным количеством биологических детей по намерению родить ребенка в течение ближайших трех лет, %.
 Примечание. База расчета: респонденты в возрасте от 18 до 41 года (1836 наблюдений)

Fig. 2. Structure of women population with a different number of biological children with the intention to give birth to a child within the next three years, %.
 Note. Base of calculation: respondents 18 to 41 years old (1836 observations)

В соответствии с предложенной авторами методикой проведена оценка структуры ожидаемой рождаемости в каждой трехлетней возрастной группе от 20 до 44 лет. Установлено, что 80,0 % женщин планируют родить хотя бы одного ребенка до наступления 30 лет, а к 35 годам их доля составляет 97,4 %. Более того, к 35 годам 75,1 %

женщин планируют иметь не менее двух детей. К концу репродуктивного периода большинство женщин (65,4 %) ориентируются на двухдетную модель семьи, тогда как на модель многодетной семьи ориентируются только 24,1 % женщин (в том числе на рождение четырех и более детей – 2,3 %) (рис. 3).

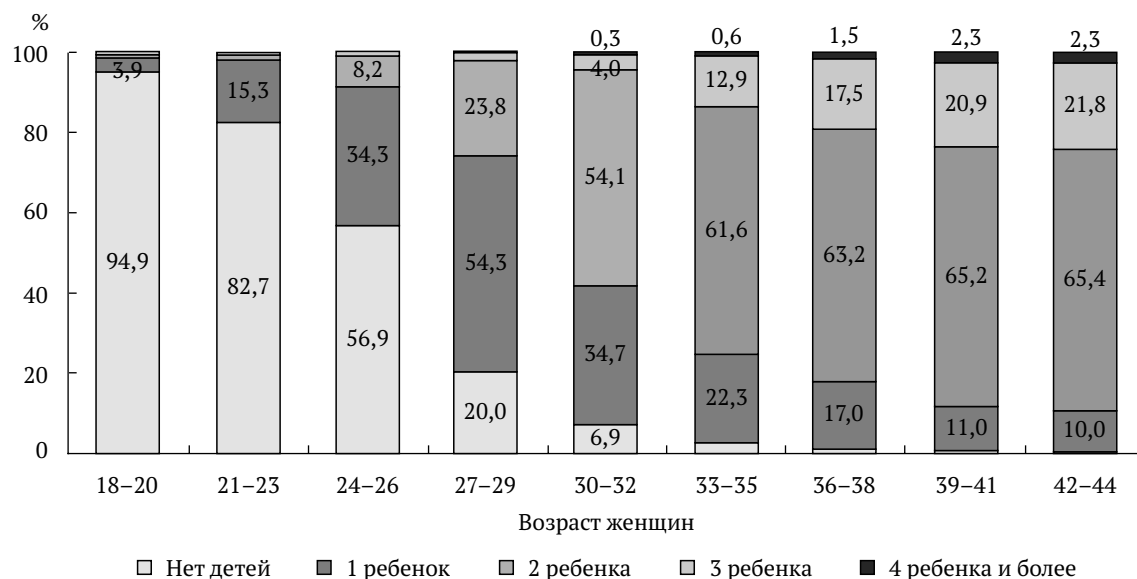

Рис. 3. Распределение женщин по количеству рожденных детей при условии полной реализации репродуктивных установок во всех возрастах, %.
 Примечание. База расчета: женщины в возрасте от 18 до 41 года (1836 наблюдений); показатели для возрастной группы 42–44 рассчитаны на основании ожиданий предыдущей трехлетней группы

Fig. 3. Distribution of women by the number of children born, subject to the full implementation of reproductive settings at all ages, %.
 Note. Base of calculation: women 18 to 41 years old (1836 observations); indicators for age group 42–44 are calculated on the basis of expectations of the previous three-years group

На основании проведенной оценки возрастной структуры ожидаемой рождаемости, представленной на рис. 3, для каждой трехлетней группы определен средний уровень ожидаемой рождаемости в расчете на одну женщину. Кроме того, в рамках исследования по программе «Поколения и гендер» в Республике Беларусь были также получены данные о фактическом количестве детей, рожденных респондентами. Это позволило рассчитать значения среднего уровня фактической рождаемости у женщин каждой трехлетней возрастной группы. В этом случае учитывались все биологические дети, рожденные

к определенному возрасту на момент проведения опроса.

Как показывают результаты расчетов, между ожидаемой и фактической рождаемостью наблюдается высокая степень соответствия во всех возрастных группах до 29 лет включительно. Однако с 30 лет фактическая рождаемость начинает отставать от уровня репродуктивных намерений. При этом данные расхождения усиливаются вплоть до возрастной группы 39–41 год, когда уровень различий в целом стабилизируется. В результате реализация репродуктивных намерений составила 75,8 % (рис. 4).

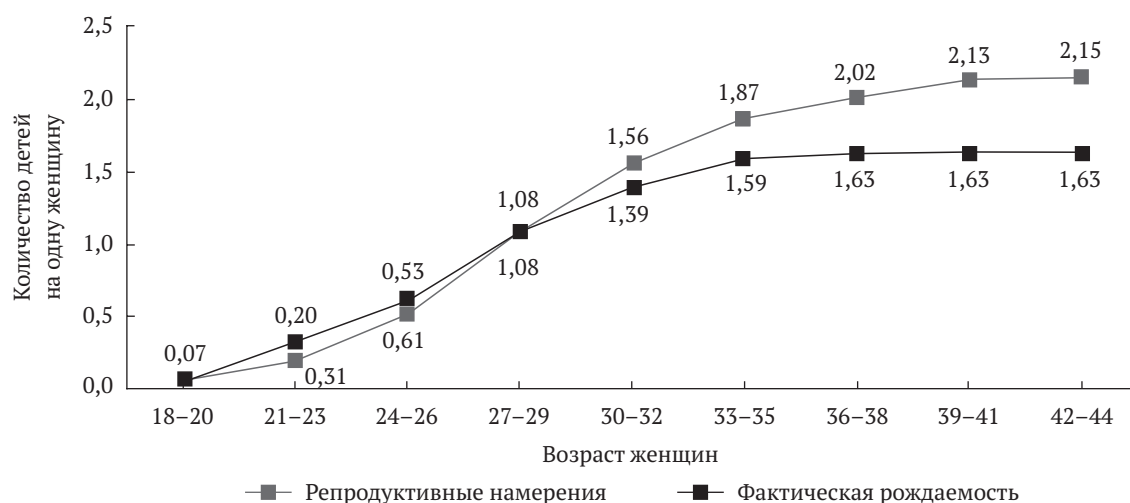

Рис. 4. Средний уровень репродуктивных намерений и фактической рождаемости в зависимости от возраста женщин, количество детей на одну женщину.

Примечание. База расчета: репродуктивные намерения – женщины в возрасте 18–41 год (1844 наблюдения), фактическая рождаемость – женщины в возрасте 18–44 года (2131 наблюдение)

Fig. 4. The average level of reproductive intent and actual fertility, depending on the age of women, children per woman

Note. Base of calculation: reproductive intentions – women 18–41 years old (1844 observations), actual fertility – women 18–44 years old (2131 observations)

Межстрановые различия репродуктивных намерений

Оценка среднего уровня репродуктивных намерений для стран Европы, указанных в табл. 1, показывает наличие существенных различий по данному показателю, что может быть связано с неодинаковым временем проведения опросов. Так, самый ранний из них завершен в 2004 г. в Нидерландах, а наиболее актуальные данные получены в Республике Беларусь в 2017 г. Вместе с тем в отличие от показателей, характеризующих фактическую рождаемость условного поколения, можно ожидать, что репродуктивные намерения отличаются большей инертностью, что и является условием проведения корректного сопоставления.

Минимальное значение уровня репродуктивных намерений отмечено в Болгарии и составляет 1,97 ребенка на одну женщину. В то же время максимальные показатели (на уровне выше 2,60) зафиксированные во Франции, Швеции и Грузии. При

этом медианное значение составляет 2,17 ребенка на одну женщину, что в целом соответствует уровню Республики Беларусь, Италии и Чехии (рис. 5).

Средний уровень ожидаемой рождаемости для каждой страны определяется структурой репродуктивных намерений по количеству детей. Следует отметить, что в анализируемых странах доля женщин, которые ориентированы на бездетность, практически одинакова и во всех случаях несущественна. Максимальное значение характерно для Германии и составляет 3,2 %. Однако по детям других очередностей наблюдаются значительные различия. В зависимости от этих различий можно выделить три группы стран.

К первой группе можно отнести Францию, Швецию и Грузию, т. е. страны с высоким уровнем ожидаемой рождаемости (более 2,6 ребенка на одну женщину). Для этих стран характерны очень низкая

доля женщин, планирующих иметь одного ребенка (в среднем 2,9 %), и очень высокая доля женщин, ориентированных на многодетность (в среднем 54,5 %).

Вторую группу составляют страны с очень низким уровнем ожидаемой рождаемости (менее 2,1 ребенка на одну женщину): Россия, Литва, Гер-

мания, Румыния, Болгария. Для этой группы характерна наиболее высокая доля женщин, ориентированных на однодетность (в среднем – 14,4 %), максимальное значение которой достигает 19,1 % (Германия). С другой стороны, для них также характерна наименьшая доля женщин, планирующих трех и более детей: в среднем 16,4 %.

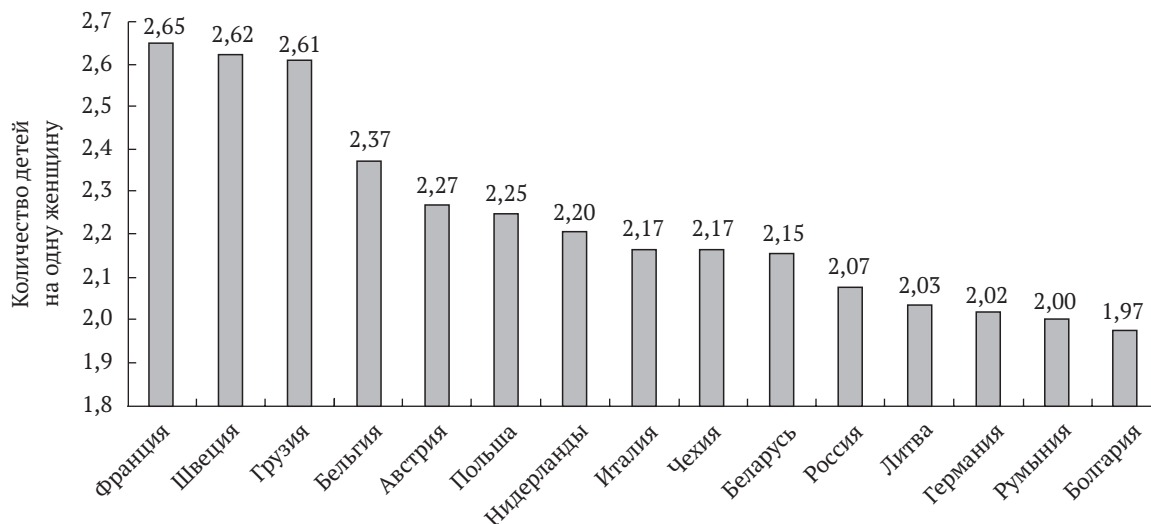

Рис. 5. Средний уровень планируемой рождаемости в странах Европы, детей на одну женщину

Fig. 5. The average level of planned fertility in Europe, children per woman

Третью группу образуют страны с промежуточными значениями однодетности и многодетности. К ним относятся Беларусь, Бельгия, Австрия, Польша,

Нидерланды, Италия, Чехия. Для этих стран доля женщин, ориентированных на однодетность, составляет 8,8 %, на многодетность – 28,7 % (табл. 2).

Таблица 2

Уровень и структура планируемой рождаемости в странах Европы

Table 2

The level and structure of planned fertility in Europe

Страна	Среднее количество детей	Структура ожидаемой рождаемости, %				
		0 детей	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка и более
Франция	2,65	0,1	2,6	41,6	43,3	12,3
Швеция	2,62	0,4	3,7	43,3	38,6	14,0
Грузия	2,61	0,0	2,4	42,3	46,7	8,4
Бельгия	2,37	0,7	6,9	54,3	31,0	7,1
Австрия	2,27	0,7	12,1	54,5	24,8	7,8
Польша	2,25	0,2	7,4	62,6	26,9	2,9
Нидерланды	2,20	2,6	8,5	59,1	25,6	4,2
Италия	2,17	1,1	9,1	66,6	18,2	5,0
Чехия	2,17	0,6	7,7	68,5	20,7	2,5
Беларусь	2,16	0,4	10,0	65,5	21,8	2,3
Россия	2,07	0,0	11,2	72,6	13,6	2,5
Литва	2,03	0,4	16,4	62,6	20,5	0,1
Германия	2,02	3,2	19,1	53,1	22,5	2,3
Румыния	2,00	0,0	11,6	77,7	9,4	1,2
Болгария	1,98	0,1	13,6	76,7	8,4	1,3

Сопоставление среднего уровня репродуктивных намерений с суммарными коэффициентами рождаемости в странах Европы показывает наличие тесной прямой связи между данными показателями. Так, коэффициент детерминации составил 65,3 %, линейной корреляции – 80,8 % (рис. 6).

Высокое значение коэффициента корреляционной связи между репродуктивными намерениями и фактической рождаемостью обусловлено тем, что

между данными показателями существует определенное устойчивое соотношение, которое соответствует уровню реализации репродуктивных намерений. Так, для 15 анализируемых стран средний уровень реализации составил 78,0 %, что примерно соответствует уровню Республики Беларусь. При этом для данного показателя характерен очень низкий уровень вариации: стандартное отклонение составило 4,8 %, а коэффициент вариации всего 6,2 % (табл. 3).

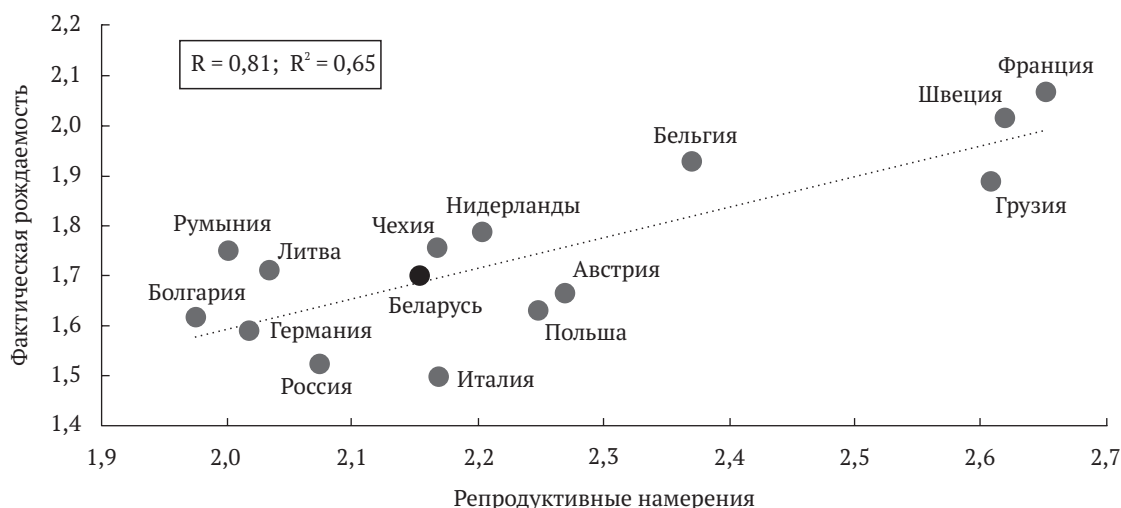

Рис. 6. Взаимосвязь репродуктивных намерений и фактической рождаемости, количество детей на одну женщину

Fig. 6. The relationship between reproductive intentions and actual fertility, children per woman

Таблица 3

Уровень реализации репродуктивных намерений в странах Европы

Table 3

The level of realization of reproductive intentions in the countries of Europe

Страна	Репродуктивные намерения, количество детей на одну женщину	Фактическая рождаемость, количество детей на одну женщину	Период расчета фактической рождаемости	Уровень реализации репродуктивных намерений, %
Франция	2,65	2,07	2003–2005	78,1
Швеция	2,62	2,02	2010–2012	77,0
Грузия	2,61	1,89	2008	72,5
Бельгия	2,37	1,93	2008	81,4
Австрия	2,27	1,67	2006–2008	73,5
Польша	2,25	1,63	2008–2010	72,6
Нидерланды	2,20	1,79	2000–2002	81,1
Италия	2,17	1,50	2003–2005	69,2
Чехия	2,17	1,76	2003–2005	81,1
Беларусь	2,15	1,70	2012	78,9
Россия	2,07	1,52	2002–2004	73,4
Литва	2,03	1,71	2004–2006	84,0

Окончание табл. 3
Ending table 3

Страна	Репродуктивные намерения, количество детей на одну женщину	Фактическая рождаемость, количество детей на одну женщину	Период расчета фактической рождаемости	Уровень реализации репродуктивных намерений, %
Германия	2,02	1,59	2003–2005	78,8
Румыния	2,00	1,75	2003–2005	87,4
Болгария	1,98	1,62	2002–2004	81,9

Примечание. В случаях, когда указан трехлетний период расчета, оценка фактической рождаемости осуществлялась на основании упрощенного подхода; когда указан один год – на основании последней версии методики корректировки суммарного коэффициента рождаемости.

Обсуждение результатов

В результате анализа данных для указанного перечня стран установлено наличие тесной связи между уровнем репродуктивных намерений и уровнем фактической рождаемости. Следует отметить, что в большинстве публикаций, посвященных анализу репродуктивных установок, их величина рассматривается в качестве самостоятельного фактора репродуктивного поведения. При этом динамику изменения уровня репродуктивных установок обычно связывают с изменением иерархии ценностных ориентаций населения. Так, например, в рамках теории второго демографического перехода падение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства объясняется уменьшением индивидуальных репродуктивных установок вследствие выдвигания на первый план индивидуалистических ценностей, связанных с самореализацией прежде всего вне брака и семьи [16]. Однако установленная в данной статье закономерность не может являться основанием для подобных выводов, что обусловлено двумя причинами.

Во-первых, в случае справедливости подобных обобщений можно было бы ожидать, что репродуктивные намерения в Швеции и во Франции окажутся на уровне других стран с высоким уровнем индивидуалистических ценностей (например, Нидерландов, Германии и Австрии) [17, с. 79]. Однако в действительности при одинаковом уровне названных ценностей показатели репродуктивных намерений изменяются в диапазоне от 2,02 (Германия) до 2,65 (Франция) ребенка.

Во-вторых, анализ репродуктивных установок, который выполнялся в рамках данной работы, был ориентирован на выявление намерений (планов) по рождению (еще одного) ребенка в течение трех лет, т. е. на выявление ожидаемой рождаемости. В то же время в методической литературе отмечается, что при ответах на подобные вопросы респондент учитывает реальные биографические обстоятельства и социально-экономические условия, которые влияют на его возможность родить ребенка в определенный период времени. Следовательно

но, в нашем случае информация о репродуктивных установках не может рассматриваться в качестве самостоятельного фактора, а, скорее, представляет собой совокупный результат субъективных предпочтений и объективных обстоятельств. Таким образом, вопрос о том, что в большей мере определяет уровень ожидаемой рождаемости (субъективные предпочтения или объективные обстоятельства) остается открытым.

Вместе с тем полученные результаты имеют определенное практическое значение. Так, установлено, что для обеспечения фактической рождаемости на уровне, близком к простому воспроизводству поколений (около 2,1 ребенка на одну женщину), ожидаемая рождаемость должна существенно (примерно на 25,0 %) превышать границу простого воспроизводства. Таким образом, нынешний уровень репродуктивных намерений населения Республики Беларусь является недостаточным для достижения простого воспроизводства поколений.

Устойчивое соотношение между репродуктивными намерениями и фактической рождаемостью, когда около 20,0–25,0 % установок оказываются нереализованными, может объясняться рядом объективных обстоятельств. Так, значительное влияние на снижение уровня реализации репродуктивных установок оказывает естественная (биологическая) бездетность (около 5,0 % всех женщин). Таким образом, некоторая доля женщин, ориентированных на рождение ребенка, в действительности не сможет осуществить свои намерения в силу проблем с реализацией репродуктивной функции организма (своего или партнера). Также необходимо учитывать возможность несоответствия репродуктивных намерений партнеров. Особенно данный фактор значим, если один из партнеров ориентирован на многодетность, а другой – на двухдетность. В таких случаях вероятность рождения третьего ребенка значительно снижается [18]. Кроме того, существенным фактором снижения уровня реализации репродуктивных намерений может быть смещение

запланированного календаря рождений в более поздние возрасты до момента, когда деторождение уже не может произойти.

Указанные факторы не являются исчерпывающим перечнем возможных причин неполной ре-

ализации репродуктивных намерений. Более того, оценка влияния каждого из них требует специального исследования. Однако даже представленный перечень факторов делает маловероятным полную реализацию репродуктивных намерений.

Заключение

Использование в рамках статьи предложенного подхода к анализу трехлетних репродуктивных намерений позволило оценить возрастную структуру ожидаемой рождаемости по очередности деторождений, а также итоговый уровень ожидаемой рождаемости. Так, было установлено, что в Республике Беларусь к концу репродуктивного периода большинство женщин (65,4 %) ориентируется на двухдетную модель семьи, тогда как на модель многодетной семьи – только 24,1 % женщин. В результате средний уровень ожидаемой рождаемости для нашей страны составил 2,15 ребенка в расчете на одну женщину. С одной стороны, данный уровень соответствует медианному значению ожидаемой рождаемости для 15 рассмотренных в статье

стран Европы. С другой – как показал анализ данных, этого недостаточно для обеспечения фактической рождаемости на уровне простого замещения поколений. Подобная ситуация связана с тем, что в проанализированных странах Европы наблюдается устойчивое соотношение репродуктивных намерений и фактического поведения. Так, средний показатель реализации репродуктивных намерений составил 78,0 % (при стандартном отклонении 4,8 %). В соответствии с установленной закономерностью во всех странах, где фактическая рождаемость примерно соответствует уровню простого воспроизводства (2,1 ребенка на одну женщину), ожидаемая рождаемость превышает данное значение примерно на 25,0 %.

Библиографические ссылки

1. Белова В. А. Статистика мнений в изучении рождаемости. М. : Статистика, 1972.
2. Белова В. А. Число детей в семье. М. : Статистика, 1975.
3. Шахот'ко Л. П. Население Республики Беларусь в конце XX века. Минск : НИИС, 1996.
4. Multiple Indicator Cluster Surveys, UNICEF [Electronic resource]. URL: www.mics.unicef.org (date of access: 16.04.2018).
5. Nour E.-S. On the Estimation of the Distribution of Desired Family Size for a Synthetic Cohort // *Population Studies*. 1983. Vol. 37, № 2. P. 315–322.
6. Huynh C.-L. Estimation and Analysis of Desired Family Size with WFS Data // *Proceedings of the Section on Survey Research Methods : The Annual Meeting of the American Statistical Association (8–12 August 1993, San Francisco, California)* : in 2 vols. Alexandria, 1993. Vol. 2. P. 609–616.
7. Westoff C. F., Ryder N. B. The Predictive Validity of Reproductive Intentions // *Demography*. 1977. Vol. 14, № 4. P. 431–453.
8. Bhushan I., Hill K. The Measurements and Interpretation of Desired Fertility. Baltimore, 1995.
9. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Предварительные результаты социологического исследования, проведенного в мае – ноябре 2017 г. по методологии международной программы ЕЭК ООН «Поколения и гендер» [Электронный ресурс] // UNFPA Belarus. URL: <https://belarus.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/GGS%20Промежуточный%20отчет%20Belarus.pdf> (дата обращения: 16.04.2018).
10. Bongaarts J., Feeney G. On the Quantum and Tempo of Fertility // *Population Dev. Rev.* 1998. Vol. 24, № 2. P. 271–291.
11. Goldstein J. R., Sobotka T. The End of «Lowest-Low» Fertility? // *Population Dev. Rev.* 2009. Vol. 35, № 4. P. 663–699.
12. Bongaarts J., Feeney G. The quantum and tempo of life-cycle events // *Vienna Yearbook Pop. Res.* 2006. Vol. 4, № 1. P. 115–151.
13. Bongaarts J., Sobotka T. A Demographic Explanation for the Recent Rise in European Fertility // *Population Dev. Rev.* 2012. Vol. 38, № 1. P. 83–120.
14. The Human Fertility Database [Electronic resource]. URL: www.humanfertility.org (date of access: 16.04.2018).
15. Demographic Data Sheets (in chronological order) [Electronic resource] // The Vienna Institute of Demography. URL: www.oeaw.ac.at/vid/data/demographic-data-sheets (date of access: 16.04.2018).
16. Kaa van de D. J. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Population Dev. Rev.* 1996. Vol. 50, № 3. P. 389–432.
17. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский Союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / под ред. Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2016.
18. Thompson E. Couple childbearing desires, intentions, and births // *Demography*. 1997. Vol. 34, № 3. P. 343–354.

References

1. Belova V. A. *Statistika mnenii v izuchenii rozhdzaamosti* [Statistics of views in the study of fertility]. Moscow : Statistika, 1972 (in Russ.).
2. Belova V. A. *Chislo detei v sem'e* [Number of children in the family]. Moscow : Statistika, 1975 (in Russ.).
3. Shahot'ko L. P. *Naselenie Respubliki Belarus' v kontse XX veka* [Population of the Republic of Belarus at the end of the 20th century]. Minsk : NIIS, 1996 (in Russ.).
4. *Multiple Indicator Cluster Surveys, UNICEF*. URL: www.mics.unicef.org (date of access: 16.04.2018).

5. Nour E.-S. On the Estimation of the Distribution of Desired Family Size for a Synthetic Cohort. *Population Studies*. 1983. Vol. 37, No. 2. P. 315–322.
6. Huynh C.-L. Estimation and Analysis of Desired Family Size with WFS Data. *Proceedings of the Section on Survey Research Methods* : the Annual Meeting of the American Statistical Association (8–12 August 1993, San Francisco, California) : in 2 vols. Alexandria, 1993. Vol. 2. P. 609–616.
7. Westoff C. F., Ryder N. B. The Predictive Validity of Reproductive Intentions. *Demography*. 1977. Vol. 14, No. 4. P. 431–453.
8. Bhushan I., Hill K. *The Measurements and Interpretation of Desired Fertility*. Baltimore, 1995.
9. [Belarus: family structure, family relations, reproductive behavior. Preliminary results of a sociological survey conducted in May–November 2017 on the methodology of the UNECE international program «Generations and Gender»]. *UNFPA Belarus*. URL: [https://belarus.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/GGS %20Промежуточный %20отчет % 20_Belarus.pdf](https://belarus.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/GGS%20Промежуточный%20отчет%20Belarus.pdf) (date of access: 16.04.2018) (in Russ.).
10. Bongaarts J., Feeney G. On the Quantum and Tempo of Fertility. *Populat. Dev. Rev.* 1998. Vol. 24, No. 2. P. 271–291.
11. Goldstein J. R., Sobotka T. The End of «Lowest-Low» Fertility? *Popul. Dev. Rev.* 2009. Vol. 35, No. 4. P. 663–699.
12. Bongaarts J., Feeney G. The quantum and tempo of life-cycle events. *Vienna Yearbook Populat. Res.* 2006. Vol. 4, No. 1. P. 115–151.
13. Bongaarts J., Sobotka T. A Demographic Explanation for the Recent Rise in European Fertility. *Populat. Dev. Rev.* 2012. Vol. 38, No. 1. P. 83–120.
14. *The Human Fertility Database*. URL: www.humanfertility.org (date of access: 16.04.2018).
15. Demographic Data Sheets (in chronological order). *The Vienna Inst. Demography*. URL: www.oeaw.ac.at/vid/data/demographic-data-sheets (date of access: 16.04.2018).
16. Kaa van de D. J. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. *Populat. Dev. Rev.* 1996. Vol. 50, No. 3. P. 389–432.
17. Rotman D. G. (ed.). *Tsennochnyi mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropeiskii Soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostei* [The value world of modern man: the countries of the Eastern Partnership, the European Union and Russia in international projects on the study of values]. Minsk : BSU, 2016 (in Russ.).
18. Thompson E. Couple childbearing desires, intentions, and births. *Demography*. 1997. Vol. 34, No. 3. P. 343–354.

Статья поступила в редколлегию 24.04.2018.
Received by editorial board 24.04.2018.